

“Крепче железа”. О героическом политруке Билале Сапаеве.

Билал Сапаев слева

-Люди говорят: «Этот человек крепче железа», – начал Ибрагим. – Но это же значит сравнивать несравнимое. Железо – мертвая материя. Его хоть руби, хоть пробивай пробойником – оно ничего не чувствует. А вот человек может ощущать невыносимую боль и всё же терпеть, как железо. Хотите, расскажу вам о человеке, который был крепче железа?

-Пожалуйста, – попросил я.

-Это было в сентябре 1942 года. Наш 225-й Чечено-Ингушский кавполк отражал яростные атаки немцев на подступах к Сталинграду. Стояли мы на высоте близ села Харготы. Большое

село Тундутово было уже занято фашистами, но сплошного фронта здесь еще не было.

Командир эскадрона старший лейтенант Дзабиев получил задание – провести в районе Харготы разведку боем. Это был храбрый, волевой командир, по национальности осетин.

Разведка боем опасна и часто требует много жертв. Выступить предстояло за два часа до рассвета.

Еще с вечера комэск включил в разведотряд лучших бойцов полка. Я был в то время комиссаром батареи минометчиков. Из моей батареи Дзабиев выделил целое отделение и поручил командовать им лейтенанту Мухтару Льянову.

Откровенно говоря, мне это не понравилось. Льянов был безумно храбр, но порывист и легко мог погубить моих лучших бойцов. Я решил сам идти со своим отделением, чтобы в случае нужды удержать Льянова от неосторожного шага. Секретарь партбюро полка политрук Биалал Сапаев спросил меня:

-Ты не идешь, Ибрагим, на операцию?

-Иду, – ответил я.

-Тогда и я иду с вами.

-А комиссар разрешит?

-На такое дело комиссар полка всегда даст согласие, – ответил Биалал.

Вечером отряд сосредоточили в траншее, расположенной поближе к фашистским окопам. Справа и слева от нас должны были наступать две стрелковые роты.

Ночь была хмурая. Ежась от сырого холода, бойцы покуривали и тихо беседовали о всякой всячине. Не говорили только о предстоящей атаке. Последние часы перед боем всегда тянутся нудно и нестерпимо долго. За час до атаки туманное небо

несколько рассеялось, но сделалось как будто еще темнее.

Передали команду приготовиться. Атака началась без артподготовки и сигнальной ракеты.

Пять ноль-ноль утра... Первым на бруствер из окопа выскочил старший лейтенант Дзабиев.

-За Родину! Вперед! – негромко скомандовал он, обернувшись.

Дружно поднялись бойцы из траншеи. Вдоль окопов ширился неясный гул. Поднялись и соседние роты. Держа винтовки и автоматы наперевес, бойцы молча бежали вперед.

Но противник словно ожидал нас. Ливень трассирующих пуль всполохами осветил ровное поле калмыцкой степи. Загрохотали вражеские пушки и минометы. В ответ заработала наша артиллерия, переноса огонь всё дальше и дальше в глубь эшелонирования противника. Лейтенант Льянов с отделением сразу вырвался вперед, и я его потерял из виду.

Из чувства локтя атакующие кричали и подбадривали друг друга:

-Во, Ахмет! Не отставай! Муса, где ты?..

А соседние русские стрелковые роты бежали вперед молча, дружно и грозно...

-Оздоев, держись за меня! – время от времени кричал мне бегущий впереди политрук Сапаев.

До вражеских окопов было метров четыреста. Но мне казалось, что бегу я чуть ли не час. На боку неудобно болталась сумка с полдюжиной гранат Ф-1.

Уже у самых наших окопов мы несли потери. Впереди неумолчно трещали пулеметы и автоматы. То там, то здесь с оглушающим металлическим гулом рвались мины и снаряды.

-Дзабиев убит! Командир убит! – пронеслось вдоль нашей неровной цепи. Некоторые замедлили бег.

-Товарищи! Слушай мою команду! Вперед, за мной, кИентий! – зычным голосом закричал Сапаев, приняв командование на себя. Для верности повторил приказ по-чеченски.

Справа вспыхнуло и разлилось вширь могучее «ура» атакующей стрелковой роты.

Бойцы нашего полка подхватили:

-Урра! Же яма, кИентий! Же яманаш!

Впереди неясная бугристая полоса. Вражеские окопы. словно каменный град по железной крыше загрохали наши гранаты в траншеях противника.

Беспрерывный, оглушающий треск ружей и автоматов. Яростные крики, проклятия, лязг стали, стоны... Фашисты неясными тенями выскакивали и бежали назад, ко второй линии траншей...

Наступающие разбились на разрозненные группы. Впереди зачернела вторая линия.

Неожиданно с флангов перекрестно ударили пулеметы противника. Усилился автоматный огонь спереди. Вой и грохот мин слились в сплошной громоподобный гул.

-Ложись! – скомандовал Сапаев.

Отряд залег и открыл ответный огонь.

Фланговый огонь противника оказался для нас губительным. Рои трассирующих пуль вылетали из огневых точек, как искры от точильного камня. Поле было чистое, ровное. Даже лежа мы несли потери.

Огневые точки врага выявились...

Через полчаса Сапаев дал приказание отступить перебежкой. Чуть приподнявшись на локте, он наблюдал за отходом. Большая часть бойцов отряда понемногу уже отошла. Но сам политрук медлил. Вокруг него оставались бойцы Яхиханов, Муса (фамилию его я не

помню), младший лейтенант Донцов и я. Уже светало.

И вдруг Сапаев сказал:

-С отрядом, ребята, в порядке. Я ранен. Если сможете, попробуйте вынести меня до занятых нами окопов. А там видно будет...

-Тяжелая рана? – с тревогой спросил я.

-Колено разбито...

Сказал он это просто, словно дело шло о разбитой рюмке. Мы посоветовались. Особенно мешал нам обстрел с флангов. Решили, что я и Муса постараемся ползком добраться до фланговых огневых точек и закидать их гранатами.

В случае прекращения огня хотя бы на короткое время Донцов и Яхиханов должны были вынести Сапаева на скрещенных руках – «санитарном кресле».

Полз я довольно долго. Вскоре на левом фланге, куда направился Муса, послышались взрывы гранат. Вслед за ними бросил Ф-1 и я. Вряд-ли они причинили фашистам вред: в предрассветной белесой мгле было еще плохо видно. Но пулеметы все-же замолчали. Положившись на волю судьбы, я встал во весь рост и со всех ног бросился догонять уходивших товарищей. Задыхаясь от усталости, Донцов и Яхиханов почти бегом несли раненого политрука. Вскоре нас догнал и Муса.

И только мы остановились, чтобы сменить Донцова и Яхиханова, как снова заработал вражеский пулемет.

Мусу убило наповал. Упал и смертельно раненый Донцов. Сапаева ранило в ягодицу, пуля вышла в бедро.

У Яхиханова была прострелена кисть руки. От нестерпимой боли, сжав раненую руку, Яхиханов застонал, запрыгал на месте.

Лежа на животе, Сапаев сказал ему с укоризной:

-Ложись, пока вторую пулю не схватил!

Я подполз к Сапаеву и лоскутом, оторванным от рубахи, туго перевязал бедро. Повыше раздробленного колена наложил жгут.

Сам Биалал тем временем скатал в ладонях два тряпичных шарика и заткнул ими кровоточащее отверстие новой раны, полученной им в плечо.

-Ну, Ибрагим, – сказал он мне, – видно, не суждено мне больше видеть Шатоевские горы. Дай мне автомат и уходи с Яхихановым. Помогай ему.

Жаль мне было этого человека. Его так любили бойцы и командиры нашего полка.

-Нет, – ответил я. – Тебя я не оставлю. А Яхиханову надо как можно скорее ползти.

-Я вам приказываю оставить меня и уходить!

-Биалал, не будешь же ты стрелять в меня за неисполнение приказа?

Биалал засмеялся.

-Ползи тогда ты, Яхиханов.

Поддерживая раненую руку другой рукой, упираясь локтями в землю, Яхиханов пополз.

Я взвалил Сапаева на спину и тоже пополз вслед, волоча за собой два довольно тяжелых автомата ППД.

Над самой головой непрерывно свистели и пели очереди автоматных пуль.

На поле боя то здесь, то там лежали тела наших товарищей. С Биалалом на спине прополз я метров сто.

-Стой. Тяжело тебе... Дай-ка я сам попробую...

Ползли опять, пока политрук не выбился из сил. Снова взял его на спину. И ползли, ползли...

Мгла рассеялась совсем. Стало светло. Длинная пулеметная очередь. Я почувствовал ожог в икре левой ноги. По всему телу пробежал жар, словно я хватил стопку спирта.

-Стой, Ибрагим, – глухо промолвил Билал.

-Что ?

-Доехали. Еще раз меня ранило. В поясницу ... Пуля пересчитала ребра и вышла...

Билал рванул ворот гимнастерки. Из раны хлестала струя крови.

Ни одного звука, похожего на стон, не издал этот человек. Деловито закрутил шарик из тряпицы и заткнул отверстие.

-Ну, Ибрагим... уходи. Тащить меня уже бесполезно. Не выживу...

-Теперь, Билал, если бы и захотел, я не смогу уйти. Я тоже ранен, ответил я.

-Ты это серьезно? Обманываешь?

-Вполне серьезно. В ногу ранен...

Некоторое время Билал молча лежал и тяжело дышал.

-Ну, что-ж. Умрем, как подобает коммунистам и мужчинам, – сказал он. – Патронов много у тебя?

-Полдиска будет.

-И у меня. И то дело. Даром не умрем. Давай мой автомат.

В четырех шагах мы заметили неглубокую колею, проложенную машинами. Десять минут понадобилось нам, чтобы добраться до нее.

-Ах, Шатой, Шатой! Не придется больше тебя видеть, – вспоминал

политрук свое родное горное село.

На фронт Билал пошел добровольно, он был председателем райисполкома одного из районов.

Фашисты повылезали из окопов. Оббирали трупы. Время от времени слышались хлопки выстрелов – это добивали наших раненых. Я взялся за автомат.

-Погоди, – остановил меня политрук. – Рано или поздно они к нам подойдут. Успеем.

Мы застыли без движения. Группа из семи-восьми фашистов приближалась. Билал подтянул свой автомат.

-Пора, – тихо проговорил он.

Я подготовился.

-Огонь!

Разом ударили наши автоматы. Из группы не убежал ни один.

В пылу боя мы не заметили, как расстреляли все патроны. Минут пять на поле стояла неприятная тишина.

И вдруг небо словно ахнуло. В ста метрах в стороне от нас земля поднялась от рвущихся снарядов и мин. Тучи пыли и песка закрыли все поле. Три, четыре, пять минут... Обстрел прекратился также внезапно, как и начался.

Из окопов вылезло с полсотни фашистов. Разбившись на группы, они направились к месту разрывов. Одна группа двигалась прямо к нам.

-Ибрагим, поищи... Может найдется несколько патронов в карманах?

-Нет, Билал. Только одна «лимонка» у меня осталась.

-Вложи капсуль и дай ее мне.

Я вставил и, не отнимая большого пальца от головки, передал

гранату Билалу. Стоило поднять палец – и граната через две секунды взорвалась бы.

Билал поднес гранату к лицу и внимательно осмотрел ее.

-Ибрагим, – сказал он мне раздумчиво, – человек рождается один раз и умирает один раз. Нам отсюда не уйти. Ты видишь группу? Эти к нам идут. Ты не возражаешь, если я эту гранату между нами взорву.

Конечно, человек никогда не расстаётся с жизнью легко. В непрерывных боях мы ежедневно видели смерть товарищей. В этих условиях человек привыкает к возможности гибели и страха перед смертью уже не чувствует. А когда воин знает, что гибнет за Родину, то принимает смерть спокойно.

И я просто сказал политруку:

-Делай, как хочешь...

Билал опять повертел гранату в руках. Даже чуть пошевелил пальцем на головке капсюля. Поднял глаза... Группа фашистов была недалеко. И сказал мне:

-Ибрагим, они наши заклятые кровники. Возьмем за себя еще по одной вражеской крови?

-Давай...

Враги были совсем близко. Билал оперся на левый локоть, с усилием приподнялся. Лицо его перекопилось от невыразимой боли... Кинул гранату...

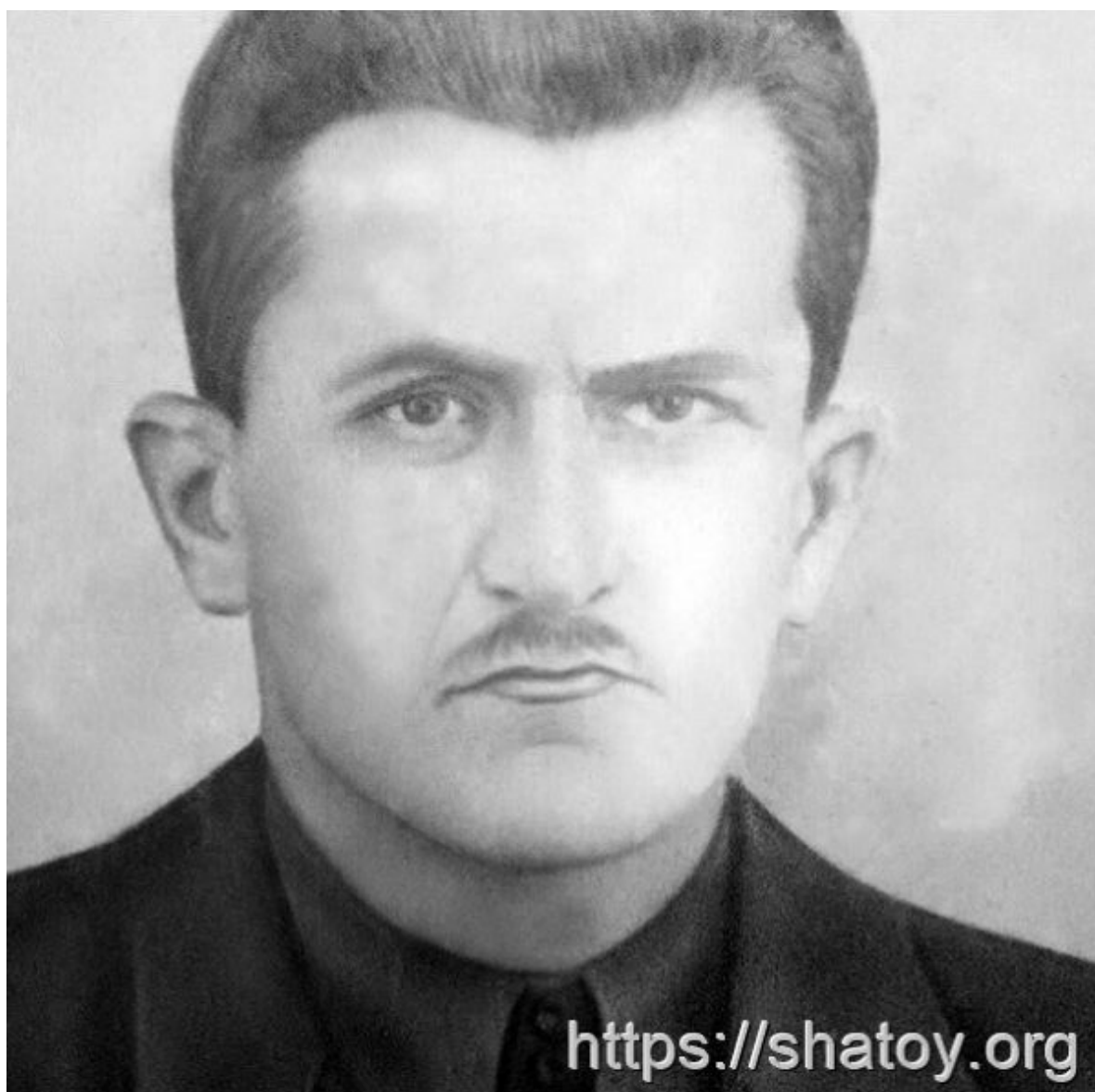
Результатов взрыва я не видел. Автоматная очередь... Успел заметить красное отверстие на лбу Билала, когда голова его склонялась к земле...

Очнулся я в каком-то сарае на хуторе около села Тундутово. Со мной было еще пятеро раненых. По-видимому, брошенная фашистами граната сорвала у меня с головы каску. Осколочек стали с

пшеничное зерно, засевший у меня в лобной кости, вытащил один из друзей по несчастью, находившийся в сарае. Он же сообщил мне, что с поля боя в сарай нас перенесли наши санитары, но хутор уже заняли фашисты. Я был в плену...

О кошмарных днях плена тяжело вспоминать. Много раз я жалел, что не умер рядом с человеком железной выдержки – секретарем партбюро 255-го кавполка Билалом Сапаевым. Он заслуживал посмертного ордена, но их в те дни давали скупно.

Материал для газеты предоставлен дочерью Билала Сапаева.

Билал Сапаев